

Элла Леус

Високосный дневник

Високосный дневник

Повесть

1

Коммунизм, обещанный к 1980 году, так и не наступил. Даже в информационной программе «Время» о нем, коммунизме, не вспоминали — забыли, наверное. Или замалчивали — как в Древнем Риме обходили щекотливую тему упадка. Мы, подобно древним римлянам, не знали, что в государстве все шиворот-навыворот. Нам об этом сказали позже.

В заурядной Юлькиной девятиэтажке люди делились на тех, кого касалась война в Афганистане, и на тех, кого она не касалась. Вторые прятали глаза от первых, получивших цинковые гробы и даты на надгробиях их високосных детей: 1964–1984.

2

Уже в первые минуты нового 1984 года Юлька подумала: «В этом году у меня день

рождения». Она не обрадовалась и не загрустила, приняла как факт, потому что была високосным ребенком — родилась 29 февраля 1964 года. Того года, когда отправили на пенсию Никиту Сергеевича Хрущева.

В пятилетнем возрасте она была уверена, что не заслужила дня рождения, только поэтому он у нее бывает редко, а не каждый год, как у родителей, сестры Ирки и брата Сережи. Она изо всех сил старалась заслужить свой праздник и вела себя хорошо. Но все ее старания оказывались напрасными. Правда, старший брат всегда дарил ей что-нибудь 1 марта, легонько дергал за ушко и называл Золушкой. Ведь Юлька была мамина помощница, особенно после того, как появилась на свет младшенькая.

3

Юлька внезапно проснулась часа в четыре утра. Ей снился обычный кошмар: она ехала в лифте и понимала, что уже давно должна была приехать на свой восьмой этаж. Она не сразу сообразила, что нечаянно нажала на кнопку с цифрой «16». Юлька пришла в ужас — в доме всего девять этажей, и теперь кабина лифта вылетит через крышу и унесется в небо! Лифт набирает скорость, угрожающе гудит, воеет и вибрирует. Как страшно!

Что сейчас будет? От страха Юлька просыпается. Сердце отчаянно колотит о ребра, в висках стучит, ей с трудом удается успокоить дыхание. Она, испугавшись, что сон повторится, крутится, вздыхает, периодически впадает в дрему, кое-как дотягивает до рассвета. Включить ночник, чтобы почитать, она не решаетя. Если проснется беременная Ирка, поднимет такую бузу, что встанут все соседи, включая дворняжку Тузика.

В этом доме все сходит с рук только младшенькой. Интересно, как бы отреагировали родители, если бы забеременела без мужа Юлька? Скорее всего, устроили бы грандиозный скандал! А от Ирки даже объяснений не потребовалось. Она живо натянула на лицо маску жертвы, пригрозила абортom с жуткими жизнеразрушающими последствиями, и родители покинули поле сражения, отступили, как Наполеон от Москвы. Ира продолжала капризничать и верховодить в доме. Потому что остальным членам семьи гораздо легче сделать так, как нужно ей, чем отстаивать свою позицию. Ира с мастерством манипулятора использует человеческие слабости. Эта способность — врожденная, такому не научишься! Самое прекрасное время суток — когда она спит!

Когда Юлька встала, на пол с глухим стуком свалилась толстая коричневая книга Жоржи Амаду «Тереза Батиста, уставшая воевать», взятая по

большому благу в библиотеке. Юлька перечитывает роман пятый раз. Ей безумно нравится героиня, такая маленькая и стойкая.

— Вот это девчонка — Тереза! Прочти эту книгу, не пожалеешь, — советует она сестре, но та после сдачи выпускных экзаменов в школе книг не читает.

Юлька вышла на кухню. У стола спиной к двери сидел Сергей в одних трусах, сдвинув костлявые лопатки. Горела тусклая лампочка светильника над столом. От этого света кожа брата казалась неестественного желто-пластилинового оттенка. Он поднял голову, посмотрел сонными глазами и улыбнулся.

— С днем рождения, любимый братик!

— Спасибо, что вспомнила. Чаю, Джульетта?

Юльку Сергей в зависимости от настроения называл Джулией, Джульеттой, а порой просто Джулькой. Ему почему-то нравились западные имена: папу Михаила Петровича он величал Майклом, маму Людмилу Ивановну — Люси, сестру Ирину — Айрон, а свою жену Сашу — Алекс.

— Я собрался за провиантом на Привоз съездить, вечером ребята придут. Только денег у меня маловато.

Сергею явно нелегко далось это признание.

— Я подброшу, последняя стипендия каким-то чудом задержалась. Заодно и окончание моей учебы отметим. Если ты не против, я Женьку позову.

— Зови свою Женьку, я буду рад. А что с распределением на работу? — Сергей не умел задавать второстепенные вопросы.

— Ничего хорошего. В лучшем случае, нам с Женькой светит Ширяевская ЦРБ¹, спасибо, если не сельские ФАПы². Боюсь, что института мне не видать как своих ушей.

Юлька насыпала в чашку крупные черные чайники, которые, упав на дно, изобразили рисунок, напоминавший розу. «Я послал тебе черную розу в бокале...» — неожиданно всплыло в ее памяти.

— Глупости, у тебя красный диплом и направление из училища в институт.

— Слушай, во-первых, фельдшеров и медсестер в стране не хватает, а во-вторых, моя учеба в институте, мягко выражаясь, не вписывается в общую картину нашего дома, — рука Юльки описала широкую дугу. — Твоя Сашка не сегодня-завтра родит, и эта наша пигалица — тоже.

---

¹ ЦРБ - центральная районная больница.

² ФАП - фельдшерско-акушерский пункт.

А у нас всего три комнаты.

— Придется тебя, красавица, замуж выдать.

— Лучше мне уехать по распределению в райбольницу, там среднему медперсоналу выделяют жилье, подъемные выплачивают, там и замуж выйду за простого хлебороба, буду корову доить, кур кормить, мужа пьяного домой возвращать.

Она не верила в то, что говорила, но старалась, чтобы голос ее звучал убедительно.

— Не могу представить тебя в деревне. Придется мне вмешаться в процесс твоей дальнейшей жизни.

— Как ты собираешься это сделать? — в вопросе Юльки прозвучала надежда.

— Я Бориса попрошу, старшего следователя, он мужик со связями. Кстати, он сегодня вечером должен к нам заглянуть, я его пригласил. Так что все очень удачно складывается. А теперь разреши тебе напомнить, что с меня — доставка продуктов, а с тебя — готовка.

— Слушаю и повинуюсь, брат-прокурор!

Юлька засмеялась и побежала в ванную умываться.

«Интересно, какие люди в прокуратуре работают? Чем они там занимаются? В кино актер-следователь (лицо у него строгое и сосредоточенное) допрашивает преступника и

пишет протокол, но ведь этим он не все время занимается...» — размышляла Юлька, когда Сергей начал работать в прокуратуре. С вопросами к брату она не лезла, зная, что он отшутится и ничего рассказывать не станет по каким-то известным только ему причинам.

Она любила Сергея, восхищалась им, всегда рассчитывала на его помощь, и он никогда ее не подводил. Ей нравилась его жена Сашка, хотя поначалу она опасалась, что появление Сашки отдалит от нее брата. Сашка оказалась доброй и неглупой. Они быстро подружились.

С Ирккой, младшей сестрой, Юлька уживалась с трудом. Старшие сестры часто оказываются виноватыми во многих детских прегрешениях младших. Юльке не раз доставалось на орехи за проделки сестры, а за нежелание просить прощения доставалось вдвойне. Сергей был намного старше сестер, у него была своя взрослая жизнь. В их ссоры он не вмешивался, считая, что они во всем могут разобраться сами.

4

Головоломка «кубик Рубика» постепенно вышла из моды. Возвращение гармонии за 26 секунд осталось непобитым рекордом. Юльку пугал идеальный пестрый кубик. Она умела собрать всего

лишь одну грань. Сережа, легко доделывая начатое ею, небрежно бросал кубик на полку. Юлька злилась на свои пальцы и на голову, отдающую им команды. Младшая сестра с кубиком справилась легко. Юльке стало немного обидно. Она вздохнула с облегчением, когда о головоломке забыли.

5

Борис появился, когда веселье было в разгаре и компания устала не только произносить тосты, но и танцевать. Именинник пел под гитару. Всем нравилось. Женька потребовала Юлькиных песен. Сергей объявил:

— «Любовь бывает разной». Исполняется впервые. Стихи Джульетты, музыка народная, то есть моя.

Юлька сразу обратила внимание на вошедшего в комнату Бориса. Да и его взгляд остановился на ней. Взгляд был настойчив. Избегая его, она спряталась за плечом Сергея.

Только бы скорее закончилась эта глупая песня. Зачем она сочинила такие дурацкие стишки? Неужели раньше они казались ей забавными?

Борис, протиснувшись между Женькой и Ириной, сел напротив Юльки. Он смотрел на нее в упор. А песня все не кончалась. Сергей толкал ее локтем в бок и делал страшные глаза — сердился,

что она не подпевает.

Любовь бывает разной —
Красивой и опасной.
И праздничной открыточкой,
И куколкой на ниточке.

Любовь бывает разной —
Полезной и напрасной.
Вполне доходным ремеслом
И в утлой лодочке веслом.

Любовь бывает разной —
Нелепой, несуразной.
Вздыхающей украдкой
На лестничной площадке.

Старший брат наконец-то извлек заключительный аккорд из гитары. Борис хлопнул вместе со всеми, но его взгляд оставался хмурым. Глаза у него были разного цвета: один — карий, другой — зеленый. Почему-то это привело Юльку в еще большее замешательство. Она никак не могла решить, какой глаз ей больше нравится: темный карий или яркий зеленый?

— Разрешите всем представить Бориса, и пусть он выпьет, как опоздавший, штрафную, — Сергей наполнил рюмку приятеля.

Юлька встала, чтобы унести гитару, но Сергей задержал ее:

— Джулька, погоди, ты ведь еще не пела!

— Как ты ее назвал? — удивился Борис.

Голос у него был низким, плотным, замшевым, как у Шаляпина на старинной пластинке. Голос понравился Юльке, немного ее успокоил, как говорят в таких случаях — вернул душевное равновесие. Захотелось услышать его еще.

Сергей засмеялся:

— Она у меня Джульетта, или просто Джулька.

— Джулька — звучит как-то по-собачьи. А Джульетта — нормально, сойдет.

Борис широко улыбнулся, сверкнув крупными белыми зубами.

Юлька вздохнула с облегчением, но, наверное, слишком рано. Он снова стал серьезным, а она опять напряглась.

Все начали уговаривать Юльку спеть. Но она заупрямилась. Женька просила подругу перестать ломаться. А ей просто показалось, что при Борисе она не сможет выдавить из себя ни звука. Он, словно почувствовав ее робость перед ним, собрался уходить. Юлька вышла его провожать. На лестничной площадке было накурено. Приоткрылась соседская дверь:

— Когда закончится это безобразие? Сейчас же прекратите шуметь и курить! Хулиганы! Я милицию вызову!

Дверь захлопнулась. Борис засмеялся:

— Не скажем, что здесь хулиганит половина районной прокуратуры?

Юлька улыбнулась своей самой очаровательной улыбкой.

— Сергей сказал, что ты фельдшер. А стихи пишешь по вдохновению?

— Просто у меня такое странное хобби.

— Почему странное? Хорошее хобби. Твои стихи мне понравились.

Юлька смутилась:

— Я знаю, что они у меня наивные.

— А мне они показались простыми и искренними, — возразил Борис.

Она поняла, что краснеет, и поспешила переменить тему.

— У вас пуговица на манжете отлетела. — Ее голос звучал совсем тихо.

— Точно, отлетела. — Борис поднял руку. Рука была большая, смуглая. — Я и не заметил. Ладно, с распределением твоим поможем. А теперь мой совет: не оставляй жениха надолго — могут увести.

— Какого жениха?

— Который, как тень, за тобой ходит и в рот

заглядывает.

— Юрика?

— Теперь я знаю, как его зовут.

— И совсем он не мой жених. Вообще он моей подруге Женьке нравится. Мы учились вместе. Так, друг просто.

— Друг? — Борис не смог скрыть улыбки.

— А почему вы спрашиваете? — осмелела Юлька.

Всякое упоминание о Юрике действовало на нее раздражающе.

— Из простого любопытства. Или в силу привычки.

Он спустился на несколько ступенек, потом, резко обернувшись, сказал:

— Глаза у меня разные после травмы. Это на всякий случай — многие интересуются.

6

Уже не так часто, как раньше, упоминается в газетах и по радио газопровод Уренгой-Помары-Ужгород. Ни этот газопровод, ни нефтепровод «Дружба», еще раньше успевший навязнуть в зубах дикторов, не волновали Юльку. Она также осталась равнодушной к войне между Аргентиной и Англией за Фолклендские острова. А вот к «железной леди» Маргарет Тэтчер относилась

с симпатией. Ей нравилось благородство и сила англичанки. И ее неукротимая вера в себя.

7

Когда Юлька была совсем маленькой, она попала в Оперный театр. Случайно. Из Сибири к маме приехала ее двоюродная сестра тетя Маша. Тетю-гостью водили по Одессе, показывали достопримечательности. Купили билеты в Театр оперы и балета, где сами никогда раньше не были. В тот вечер Юльку оставить было не с кем и ее взяли с собой. Она была спокойной девочкой, с ней можно было даже в космическое путешествие отправляться. Спектакль заморозил Юльку — шла опера «Иоланта». В антракте она подошла к сцене и весь второй акт простояла по стойке «смирно» за спиной дирижера. После окончания спектакля Юльку долго не могли сдвинуть с места — она никак не хотела перестать любоваться золотым занавесом. Маму подозвал один из музыкантов и подарил для Юльки старинный дореволюционный клавир. «Если ей понравилась опера, то это на всю жизнь», — сказал он, подавая из оркестровой ямы ноты в красивом переплете. Его самого Юлька не видела, а слова запомнила. И ноты хранила. «Собственность издателя Юлия Генриха Циммермана, Москва, Лейпциг, Лондон. 1900 год».

Они пахли бабушкиным подполом и старым соседским фортепиано «Берлин», которое старушка Фаня Львовна подарила Юльке. Роскошный подарок так и остался стоять у соседки в комнате. Юльке разрешалось заходить к ней в гости, открывать крышку пианино и гладить пожелтевшие клавиши. Поставить громоздкий инструмент у себя родители наотрез отказались. Папа недовольно заметил, что комната у них отнюдь не резиновая. Потом Фаня Львовна умерла, а ее сын Сеня продал пианино. Юлька плакала, глядя, как ее пианино грузят в кузов машины, чтобы увезти. Мама сказала: «Слава богу, избавились от этой рухляди». Пианино уехало навсегда, а ноты цыганского романса Бородина на слова Апухтина «Нет, не клянись!», посвященного Анастасии Дмитриевне Вяльцевой, остались.

Ни ТюЗа, ни цирка для Юльки не существовало. Она ходила только в Оперный театр, где любила сидеть в ложе, неторопливо рассматривая зрителей в партере и музыкантов в оркестровой яме. В такие минуты Юлька чувствовала себя королевой на троне. Даже когда партер оказывался почти пустым, она продолжала чувствовать себя королевой, но уже не на троне, а на эшафоте. Сегодня театр был пуст. А ведь шла «Иоланта» с народным артистом Николаем Огреничем в роли Герцога. В партере Юлька

насчитала всего полтора десятка зрителей. «Наверное, — пронеслось в голове, — неимоверно трудно петь при пустом зале и кланяться, не слыша грома аплодисментов».

Сегодняшняя Иоланта была пышкой. Но стоило ей запеть, и Юлька забыла, что по либретто Иоланта — хрупкая стройная девушка. Сопрано было чистым, звонким, хрустальным. Когда с глаз Иоланты сняли повязку, ее голос удивительно преобразился. И Юлька невольно поверила, что слепая героиня действительно прозрела в это мгновение. Ее взгляд в зрительный зал выражал такой восторг, будто она и впрямь впервые увидела небо и солнце.

После финала спектакля престарелые театралки в нафталиновых кружевах и пыльном крепдешине и несколько гостей города хлопали стоя и кричали «Браво!». Юлька кричала громче всех. Герцог-Огренич смотрел прямо на нее и улыбался, бережно держа за руку пухлую румяную Иоланту.

8

Нет никакой надежды достать книги Рэя Брэдбери, Жоржи Амаду или Джеймса Джойса, напечатанные издательством «Иностранная литература». За томик Ахматовой на черном рынке

нужно выложить половину зарплаты инженера. Еще меньше надежды завладеть коттоновыми шмотками, но это как раз можно пережить.

На комсомольских, партийных и профсоюзных собраниях перестали изучать вдоль и поперек Продовольственную программу. Только конспекты с вклеенными вырезками из газет у многих оставались свидетельствами тщетных усилий партии и правительства преодолеть продовольственный кризис. По-прежнему в магазинах — ничего, кроме черной картошки, белой соли, желтого сахара и серых макарон. На самом видном месте — горы банок с законсервированной кабачковой икрой. Еще есть заледенелый минтай.

И все-таки граждане умудрялись кое-что прятать в холодильниках, которые шуточно рекомендовалось чаще включать в радиоточку для пополнения продуктовых запасов. Юльке нравилась эта острота.

9

Когда Юлька вошла в кабинет следователя прокуратуры Б. Никитина, она услышала, как Борис орал в телефонную трубку, сидя на краю письменного стола.

— Нужно было меня поставить в известность!

Советую вам не торговаться со мной! — Борис сделал паузу, слушая собеседника, лицо его покраснело, ноздри раздулись, он нервно сопел, нетерпеливо дожидаясь возможности возобновить гневную тираду. — Не выкручивайтесь! Еще раз настоятельно советую заглянуть ко мне на беседу. Хорошо, жду вас в одиннадцать. Всего доброго, до завтра!

Заметив Юльку, нерешительно переминающуюся с ноги на ногу на пороге кабинета, он жестом пригласил ее войти. Эмоциональный накал у него еще не прошел. Борис пояснил:

— Врут, а я терпеть не могу брехню!

Для Юльки его слова прозвучали предупреждением, но она и сама не была в восторге от людей, умеющих обманывать и изворачиваться. Оправдываясь перед родителями, Юлька всегда запутывалась и жалела, что не сказала им правду.

Она робела перед Никитиным, а он, предложив ей стул, бесцеремонно рассматривал Юлькино лицо.

— Сережа передал, что вы хотели меня видеть.

Голос почему-то ее не слушался. Она отбросила со лба челку и поправила заколку на собранных в хвост длинных каштановых волосах.

Борис объяснил, что ждет звонка из областной

психиатрической больницы. Там есть место фельдшера в отделении судебно-медицинской экспертизы. Юльке следует оставить у него свои документы на несколько дней, потому что это закрытое отделение и все сотрудники предварительно должны зарегистрироваться в МВД.

— Дождись, будь добра, моего разговора с главврачом, вдруг вопросы какие-то возникнут, а я на них ответить не смогу. У тебя время есть?

— Я буду ждать сколько нужно.

— Тогда располагайся у меня, чувствуй себя как дома, а я, с твоего позволения, продолжу работу.

Он углубился в изучение бумаг. Юлька огляделась. Ее заинтересовал книжный шкаф — книги всегда действовали на нее магически. Каждый раз, приступая к чтению, она перелистывала страницы, ощупывала пальцами корешок, обязательно читала предисловие. Ей начинало казаться, что именно в этой книге содержится основная мысль-подсказка для ее, Юлькиной, жизни, некое базисное послание, и оно уничтожит все смутные неясности, постоянно бередившие ее душу.

Несколько десятков книг: биография Сталина (отредактированная, как известно, им самим), толстый словарь латинского языка, учебники по

психологии и философии, пособие по хиромантии, альбомы Ильи Репина и Альбрехта Дюрера.

— Можно вопрос? — Юлька не смогла пересилить своего любопытства, пересмотрев половину сокровищ книжного шкафа. — Я понимаю, что вопросы здесь задаете исключительно вы.

— Тебе — можно! — разрешил Борис.

— Довольно странный набор книг. Неужели у вас такие широкие интересы?

— Нет, конечно. Например, пчеловодством я точно заниматься не собираюсь. Просто у меня есть одно правило — постараться узнать как можно больше о деле, которое я веду. А фигуранты уголовных дел совершенно разные, вот книги и накапливаются.

— Я вам завидую. Видимо, для вас не существует проблемы достать хорошую книгу?

— Я не всемогущ, но попробуем поэкспериментировать: скажи, какая книжка тебе нужна, а я попробую ее раздобыть.

— Подумаю над вашим предложением, — Юльке, захлопнувшей альбом Дюрера, не хотелось, чтобы он почувствовал ее смущение.

— Чай будешь? У меня где-то была шоколадка. Ты наверняка любишь шоколад, — сказал Борис, вставляя в розетку вилку электрочайника, перебинтованную синей

изолентой.

— Почему следователи считают, что женщины непременно теряют разум от сладкого? — съязвила Юлька.

— Я лично теряю, — признался Борис.

За чаем он легко и непринужденно выведал у Юльки практически всю незатейливую историю ее жизни. С Борисом ей было легко. Слова выстраивались в предложения без малейшего напряжения.

Улыбнувшись, она сказала:

— Я наговорила, наверное, много лишнего?

— Ты — человек с чистой совестью. Тебе нечего скрывать. Такие люди в этом кабинете — редкость.

— Не существует людей с абсолютно чистой совестью, это противостоит природе, — задумчиво ответила Юлька.

— Эй, ку-ку! Это вообще-то моя фраза! — засмеялся Борис. — Телепатка!

10

Юльку оставляют равнодушной Пугачева, Леонтьев, Ротару, Вайкуле и Паулс. Зато ее покорили итальянцы с фестиваля в Сан-Ремо и забавная песенка о веселых утятах. Ей даже захотелось потанцевать под эту песенку. По

телевизору она смотрит только хорошие отечественные фильмы, которые идут после программы «Время» в 21.30. А в кинотеатрах — заграничные, тоже хорошие. Юльке не всё в этих фильмах понятно. В книгах все значительно проще. К тому же к понравившимся страницам можно возвращаться не один раз. Юлька любит смотреть кино, но лучше понимает книги.

Недавно на эстраде появился Виктор Цой, юноша с необычным азиатским лицом и умными грустными глазами. Юльке внезапно показалось, что он уже проездом побывал в ее мире, осветил все вокруг лучом своего взгляда-прожектора, спел песню и умчался дальше. Многие из того, что он выкрикивает в микрофон, звучит в унисон с ее мыслями.

А вот к песням Юрия Антонова Юлька равнодушна. Слишком они хороши. Явный перебор сахара — пять ложек на одну чашку чая. Или даже шесть. Антонов нравится почти всем ее знакомым. Как и клоун Слава Полунин со своим «любов-асисяй». Да, в этой увечной недосказанности есть сильное чувство. Мама Юльки всегда роняет слезы умиления.

Каспаров рано или поздно станет чемпионом мира по шахматам! Юлька в этом не сомневается. Он для нее чудо-человек, вознесенный над реальной жизнью. Она силится представить его в какой-нибудь житейской ситуации. Например, как он спорит с соседями из-за перегоревшей в парадном лампочки. Но — не может. Чудо-человек умеет только великолепно играть в шахматы с соперником Карповым, талантливым, но порой лицемерно улыбающимся и говорящим тонким куклячим голосом. Чудо-человек говорит мало, резко, страстно. Он будет чемпионом. Родители удивились, когда Юлька заявила об этом безапелляционно, ведь все шансы на победу были у Карпова. Шахматы для Юльки — головоломка. Она прилежно изучила правила игры, дебюты и несколько шахматных композиций, но играть по-настоящему так и не научилась. Для нее шахматные фигуры — волшебные идолы, как иконы для прабабушки. Ими можно любоваться, но играть в них — кощунство. Играть в шахматы должны избранные, к которым Юлька, увы, не принадлежит.

Понедельник. Полчаса в душном автобусе. Пересадка на изредка звякающий трамвай. На трамвае из конца в конец маршрута — больше часа в жаркой толпе пассажиров. Конечная остановка. Здесь трамвай делает большой круг, облегченно позванивая.

Две областных больницы рядом на одной улице — клиническая и психиатрическая. Внешний вид зданий величественен, но внутри все убого. Старые здания больниц — продукт неторопливого, обстоятельного дореволюционного строительства. Главный корпус психиатрической больницы высокомерно смотрит фасадом на улицу. За его спиной, как солдаты за полководцем, расположились остальные корпуса. Широкий двустворчатый рот входа. За ним — прохлада просторного коридора, похожего больше на прямоугольный зал, со стенами, давно требующими капитального ремонта.

По мрачной мраморной лестнице Юлька пришла на второй этаж к высокой филенчатой белой двери с табличкой «Отдел кадров». Негромко — смелость куда-то испарилась — постучала. За дверью оказался кабинет с двумя письменными столами, заваленными кипами старых и новых папок, стопками бумаг разной высоты.

Над одним из столов возвышалась полная женщина в посеревшем на мощной груди белом халате. После взаимного приветствия и просмотра принесенных документов последовало заключение:

— Так это вы в четырнадцатое? Да, нас предупредили. Сначала побывайте в отделении, а потом возвращайтесь к нам. Судмедэкспертиза, барышня, государство в государстве. Пожалуй, лучше я вас отведу, а то одну вас к заведующей не пропустят.

Они идут по территории больницы между зданиями отделений. Слева — длинное двухэтажное, ничем не примечательное; справа — тоже двухэтажное, похожее на куб, с уютным заполненным зеленью палисадником. Дорога огибает дом с палисадником и уходит в горку направо. Теперь слева — запущенный пустырь с поухлой растительностью. По его заросшему желтоватой пыльной травой пространству распластались мусорные кучи, похоже, давно забытые и сейчас расслабившиеся под солнышком, как отдыхающие на пляже.

Справа от дороги — скука хозпостроек: пищеблок, склад, мастерские, котельная.

Перед следующим поворотом открылся вид на особняк красного кирпича с надписью «Женское отделение».

Юлькин взгляд привлекла каменная стена в

два человеческих роста высотой с колючей проволокой наверху. Стена ограничивала площадь приблизительно около гектара, по ее углам — сторожевые вышки, похожие на башенки замка. Это и было отделение № 14.

Глухая металлическая дверь внутреннего поста. Звонок. Голос из-за двери: «Кто?» Ответ: «В отдел кадров, к заведующей». Железный звук открывающихся замков, проход через внутренний пост. В комнатке за стойкой — милиционер-атлет, в углу на стуле с развернутой газетой в руках — еще один страж внушительного телосложения.

Юльку поразили двор, больше напоминающий маленький парк. За деревьями она увидела уютный дом с коричневыми стенами. Флигель усиливал сходство этого места с дворянской усадьбой. Только вот табличка «Прачечная» портила впечатление. А еще идиллию навсегда исчезнувшей эпохи нарушали решетки на окнах особняка и огромная клетка, пристроенная сбоку.

Милиционер, окинув Юльку пытливым взглядом, повел ее по прямой дорожке через двор к дому. Двухступенчатое крылечко, высокая облупленная дверь без ручки. Не просто без ручки, а будто ее вырвал какой-то силач, и теперь от нее осталась одна дырка.

— Черт, ручку забыл! — пробормотал с досадой милиционер и нажал на кнопку звонка.

Дверь распахнулась через минуту. На пороге стоял русский сероглазый молодой мужчина примерно лет тридцати в застиранном белом халате.

— Вовчик, эта девушка к Александре. Наша новая сотрудница, кадровица привела.

— Заходи, новенькая! Будем налаживать отношения, я с такими черноглазками всегда дружу! — Вовчик, придерживая тяжелую дверь, пропустил смущенную Юльку в коридорчик. — Кабинет заведующей отделением Александры Константиновны Запольской направо в конце коридора.

Юлька не догадывалась, что он нарушил режим, отпустив ее одну гулять по отделению. Робко следуя по указанному маршруту, она поразилась: оказывается, нищета медицины, к которой она успела привыкнуть за годы учебы в медучилище, была роскошью в сравнении с этим отделением. Впрочем, частично убожество интерьера скрашивалось чистотой и порядком.

Заведующая — худая седоватая женщина за пятьдесят с гладкой прической — стояла спиной ко входу и поливала цветы на широком подоконнике. Этот кабинет неожиданно напомнил Юльке старую хату ее бабушки в деревне. Атмосфера здесь была похожей: день за днем, месяц за месяцем, год за годом воздух понемногу прибывал внутрь и не

выходил обратно. Казалось, воздуха в помещении накопилось так много, что ему здесь тесно.

Заведующая оказалась доброжелательной.

— Здравствуйте! Юлия Михайловна, если не ошибаюсь? Борис Иванович просил меня о вас позаботиться. Ему мы никогда не отказываем, — сказала она и снова улыбнулась. — Тем более что вы нам нужны — среднего персонала у нас не хватает, впрочем, как и в других лечебных учреждениях. Но здесь еще и особая специфика. Мы берем на работу исключительно проверенных людей, а у вас отличная рекомендация, к тому же от Никитина.

Резко зазвонил телефон. Александра Константиновна подняла массивную черную трубку.

— Да, Борис. Она как раз у меня. Да-да. До свидания, жду вас завтра. — Телефонная трубка легла на место с легким щелчком. — Ну что ж, давайте заявление, — она его размашисто завизировала и вернула. — Теперь ступайте к старшей медсестре Зинаиде Матвеевне, она вас ждет. После нее нужно будет оформиться в отделе кадров, где вы уже были. К работе приступите по графику в самое ближайшее время.

Старшая медсестра отделения Зинаида Матвеевна внешне оказалась похожей на заведующую — она была такой же худощавой,

светловолосой, только более энергичной. Юльке показалось, что ее речь с каждой минутой становилась все более быстрой:

— Юлечка, можешь заступать на сутки уже завтра. Заработать тут можно прилично. Если хочешь, дадим тебе фельдшерских полторы ставки, но тогда работать будешь сутки через сутки. Еще тридцать процентов буфетчицы. Мы буфетчиц не берем, они здесь лишние, а ставка положена, вот мы ее и делим. Еще санитарские можешь взять. Санитары по надзору с поста не отлучаются, а санитарок на уборку мы тоже не берем. У нас полагается надбавка за вредность. С фельдшерскими обязанностями ты легко справишься. В них входят: наблюдение, записи в журнал наблюдений, меддокументация, два-три укола по назначению. Так что все можешь успеть — отделение убрать, еду на пищеблоке получить и раздать и посуду помыть. Зато денежку заработаешь. Смена состоит из фельдшера и санитаря по надзору. С тобой в смене санитары Вовчик или Сан Саныч, мужики хорошие, опытные. А сейчас я тебе отделение покажу.

Старшая вынула из кармана два больших алюминиевых крючка, похожих на дверные ручки от замков-защелок. Один крючок Зинаида Матвеевна отправила обратно в карман халата, второй отдала Юльке.

— Без этой ручки дальше первой двери не пойдешь, смотри, не потеряй — не дай бог, кто из больных найдет, тогда для них все двери будут настежь. Когда поведешь больных на обследование или на процедуры, ручку тоже не забывай, во всей больнице это самая незаменимая вещь.

Они вышли из каморки старшей.

— Вот наша бытовка, шкафчики для переодевания, обедаем тоже здесь. Вот санузел для персонала. А это выход на прогулочную площадку для больных. Если погода нормальная — прогулки каждый день. Процедура режимная, с милицией, ну, обо всем более подробно потом узнаешь...

Так вот зачем загон-вольер, прислонившийся к торцу здания!

— Сейчас мы пойдем в сестринскую, — сказала старшая, — пора показать твое рабочее место.

Сестринская располагалась возле зарешеченного прохода в большой зал на «половине больных». Посередине помещения стоял длинный голый стол, а по краям справа и слева две длинные скамейки. Отсюда можно было попасть в палаты. Юльке показалось, что их шесть или семь. Все они, кроме деревянных дверей, имели еще и решетки.

— Пост надзора, — показав пальцем на деревянную лавку, сказала старшая.

На лавке, посвистывая и нахально рассматривая Юльку, сидел Вовчик.

— Не свисти в хате, денег не будет, — строго сказала Зинаида Матвеевна.

— У меня их и так, помимо дня получки, не бывает. Не беспокойтесь, меня уже сменили, так что можете считать, что я свищу у себя дома, — парировал он, широко улыбаясь. — Значит, завтра мы дежури́м с новой сотрудницей? Мне это нравится.

13

Меньше всего на свете волновал Юльку футбол. Фигурное катание — красиво, а футбол — нет. Единственное, что нравилось Юльке в футболе, — звучание имени прославленного французского футболиста Мишеля Платини.

14

Юльку потрясли проводы в мир иной Индиры Ганди. Вот кто, по мнению Юльки, должен был отменно играть в шахматы. Ее жизнь заслуживала всяческого одобрения. А ее сожгли на костре, как кучу мусора. А поджег костер собственный сын. Потом Раджив развеял прах матери над священным Гангом. Индира, одна из самых великих женщин

планеты, выбыла из списка живых! Это не укладывалось в Юлькиной голове!

Но если честно, еще больше ее поразили похороны одноклассника Вити Прохорова, возвратившегося из Афгана в цинковом гробу. Они были такими тихими, словно у телевизора сломался звук. Присутствующие на них вяло шевелили губами. Окаменевшие скорбные лица и фигура военкома, зорко следящего за всем происходящим. Юлька знала, что комсорг их класса Слава Орлов собрался произнести речь над могилой, но его оттеснили в сторону какие-то незнакомые парни. Юлька боялась смотреть на придавленную горем Витину мать, которую поддерживал под руку военком. Когда она начинала громко вздыхать, собираясь запричитать, он что-то шептал ей на ухо, и она, обмякнув, затихала.

Когда из уст американского президента прозвучало определение, что Советский Союз — «империя зла», Юльке почему-то сразу вспомнились именно эти скупые похороны, а не пышные проводы генеральных секретарей КПСС Брежнева, Черненко, Андропова.

15

Юлька слегка трусила перед своим первым рабочим днем. Похожее чувство страха было, когда

она поступила в медицинское училище.

Долгая дорога через весь город давала редкую возможность сосредоточиться на чем-то особенно важном.

Ей нравилась утренняя свежесть летнего города. Торопящиеся на работу мужчины и женщины. Студенты, не желающие опаздывать на первую лекцию.

Юлька оказалась перед входом в четырнадцатое отделение через два часа после выхода из дома. Было восемь, а пересменка в половине девятого. Юлька волновалась, как она в первый раз пройдет за эту стену без провожатого. Но трудностей не возникло — встретивший Юльку милиционер, бегло взглянув на нее, спросил: «Новенькая?» и, потеряв к ней интерес, отвернулся. У нее был пропуск и ручка-отмычка ко всем замкам больницы.

Юлька догнала Вовчика, неторопливо шествующего через двор. Он был свеж, подтянут и пах одеколоном.

— Ты поесть взяла? — сразу поинтересовался он. — Забыл вчера предупредить — здешнюю бурду есть невозможно, чистая полова!

— Не взяла, — виновато призналась она.

В отделении было тихо. Они вдвоем вошли в бытовку. Пожилой мужчина небольшого роста сидел у маленького квадратного столика, накрытого

клеенкой с полустертым рисунком. На столе перед ним стояла тарелка с горкой печенья и белая пузатая чашка.

— Привет, Сан Саныч! — громко сказал Вовчик мужчине и открыл свой шкафчик, где висел на крючке белый халат. Сан Саныч ответил и внимательно посмотрел на Юльку.

— Новая фельдшерица? Ты меня не стесняйся, дочка, нам работать в одной смене. Иди-ка сюда, смотри, вот здесь я оставляю хлеб, помидорчики, там в буфете есть еще немножко плова в синенькой кастрюльке. Помидоры со своего огорода, плов моя половина готовила, не побрезгуй, а то ведь сутки будешь куковать не евши. И печенье бери.

— Юля, знай, Сан Саныч — слободской куркуль, но не жмот! Вот какой наблюдаем парадокс! — весело сказал Вовчик, демонстрируя оголенный мускулистый торс.

— У молодых мозги набекрень. Голод вам не страшен. Вот и ты, Володька, вечно на одних бутербродах. Так нельзя. Желудок испортишь.

— Я — холостяк, то есть разведенный, готовить некому, мне и бутерброды сойдут, правда, Юлька? — Вовчик подмигнул ей, просунул руки в короткие рукава халата и застегнул его на две уцелевшие пуговицы — вместо утраченных торчали только пучки ниток.

— Переодевайся. Пошли, Сан Саныч, перекурим, пока дама-мадама переоденется.

Сан Саныч вышел из бытовки вслед за Вовчиком, деликатно притворив за собой дверь.

И тотчас тревожная тишина окружила Юльку. Она открыла скрипучую дверцу выделенного ей шкафчика и вздохнула.

Зинаида Матвеевна ураганом ворвалась в бытовку и бросила Юльке:

— Быстренько в сестринскую, сегодня принимаем смену вместе, все запоминаешь с первого раза. Если не надеешься на память, лучше записывай!

Через несколько минут Юлька была уже на месте. За белым письменным столом сидела женщина, с которой они познакомились вчера утром, — фельдшер Ольга Васильевна. Эффектная, высокая, стройная. Ольга сурово посмотрела на Юльку:

— Нечего меня так пристально разглядывать, я же не мужик!

Юлька смущенно отвела взгляд. Ольга раздраженным тоном начала комментировать содержание журнала наблюдений. Прочитировала запись, касавшуюся одного из обследуемых:

— Николай Пасечник, в отделении десять суток. «Сон крепкий, без сновидений, просыпался

один раз в течение ночи (в туалет). На вопросы отвечал быстро, четко, адекватно. Настроение удовлетворительное, бодр. Беседует с соседями по палате. Аппетит хороший. Жалоб не предъявляет». Следует записывать утром и вечером наблюдения по каждому больному, а потом все это докладывать на пятиминутке врачам. Понятно?

Вовчик сидел на посту и с улыбкой наблюдал за Ольгой Васильевной. Он весело подмигнул Юльке.

— Не отвлекайся! — строго сказала Ольга Васильевна. — Вот еще один журнал для учета больных. Тут все элементарно: при поступлении больного заполняешь все графы из сопроводилки, заводишь «историю» — заполняешь бланк. Хранятся истории у заведующей, с ними работают врачи, у нас — только листы назначений.

Ольга открыла зеленую коленкоровую папку. В папке находились два листа по три-четыре строчки в каждом.

— Как видишь, назначений — кот наплакал.

— Ольга Васильевна, скажите, пожалуйста, вот в учете в адресной графе кое-где четыре буквы «Б-О-М-Ж» — это что?

Вовчик захохотал. Ольга удивленно подняла брови:

— Без. Определенного. Места. Жительства. Пора бы знать! — Она взяла журнал под мышку и

вышла из сестринской.

— Малыш, ты правда не знала, кто такие бомжи, или шуткуешь? — все еще посмеиваясь, спросил у Юльки Вовчик.

— Впервые слышу о них! Это кто — бродяги?

— Ты — сплошная невинность. Дитя. Хорошо еще, что мы с Санычем будем рядом, без нас ты наверняка пропадешь! А на Ольгу... не обращай внимания, она у нас хоть и хабалка редкая, но тетка добрая. Одинокая она, жизнь личная у нее не складывается, понимаешь?... Да что ты можешь понимать, молодая, красивая... Что ворчит на тебя, в голову не бери. Все четырнадцатое осведомлено, кто тебя сюда устроил. Александра проболталась, а у Ольги на твоего Никитина виды были когда-то. Он, кстати, часто у нас бывает по службе.

«Лучше бы, — подумала Юлька, — он об этом промолчал». Она машинально заглянула в шкаф с медикаментами. На стеклянной полке лежало несколько пожелтевших картонных коробок с ампулами: коргликон, кордиамин, кофеин, аминазин. Флаконы с растворами для инъекций стояли рядом: знакомый физраствор и неведомый загадочный сульфазин.

Юлька осторожно выглянула из сестринской, чтобы увидеть «половину больных». Несколько мужчин в больничных пижамах прохаживались по залу.

— Не мечтай встретить здесь настоящих сумасшедших, — угадав Юлькин интерес, предупредил Вовчик. — Большинство косят, на больничке лучше, чем на кичмане, — и харчи, и вообще.

— Я почти ничего не поняла из того, что ты сказал, — растерялась Юлька.

— Трудно мне с тобой, — засмеялся Вовчик и пояснил, — наша здешняя жратва лучше тюремной баланды. И пачек меньше дают. Теперь ясно?

— Не совсем, — призналась Юлька.

— Ну! Шизанутые! Выходи оправляться по двое согласно списку! Первая пара на выход! — Вовчик зазвенел ключами, открывая решетку, за которой уже стояла первая пара. Они выкрикнули свои фамилии:

— Пасечник!

— Петров!

Вышли друг за другом, прошли мимо отворенной двери сестринской. Первый — угрюмый сорокалетний мужчина, второй — улыбающийся, с придурковатым выражением лица подросток. Он на секунду остановился перед Юлькой, и Вовчик сразу же легонько поддал ему носком под тощие ягодицы:

— Не тормози, Витек! За вами еще восемь пар, а времени — большая дуля. Ты же знаешь: кто

не успеет из-за тебя в гальюн, разберется потом с тобой персонально!

Юлька с нескрываемым удивлением наблюдала за странной процедурой посещения туалета парами.

Потом она заглянула в большой стальной стерилизатор с надписью на крышке «Шприцы». Шприцев с рыжей градуировкой на прозрачных цилиндрах, усеянных каплями воды после кипячения, было около десятка, разных размеров.

Ольга Васильевна вернулась в сестринскую со старшей и заведующей. Старшая протянула Юльке исписанный листок бумаги.

— Юлия Михайловна, вот график назначенных анализов и врачебных собеседований на сегодня. Пасечника поведешь на энцефалографию в главный корпус, договорились на пятнадцать часов. А ты, Вовчик, готовься к прогулке перед обедом — погода нормальная. Не забудь, что сегодня вечером — бритье. Сейчас должен поступить новый больной, они давно выехали, будем принимать.

Начальство вышло, а Юлька осталась стоять посреди сестринской. Из задумчивости ее вывел Вовчик:

— Не бойсь, Юль, справимся. Сейчас Михась придет принимать больного.

— А я уже здесь! — в сестринскую заглянуло

круглое веселое лицо молодого милиционера, а затем показалась его плотная, казалось, лишенная шеи фигура. — Скоренько примем клиента из СИЗО и поведем вольтанутых гулять! — Он потер ладонь о ладонь. — А клиент этот не мудозвон какой-то — та-а-к одну парочку уконтрапупил, что пол-Одессы на ушах! Девчонка, кажись, изменила ему, и он, наркоман, ее вместе с любовником покрошил на винегрет!

Юльке не верилось, что такое могло произойти на самом деле.

От резкого звонка входной двери Юлька вздрогнула.

— Прибыли! — сказал улыбчивый Михась и побежал открывать. Вовчик отправился следом, засовывая в карман брюк внушительную связку ключей.

Юлька, юркнув за Вовчиком, украдкой выглянула в коридор, ведущий к выходу. Задней дверью к крыльцу был припаркован фургон. Его двустворчатая дверь с зарешеченными окошками распахнулась. После милиционера из фургона на ступеньку крыльца спрыгнул человек с заложенными за спину руками.

Юлька вернулась в сестринскую, где чувствовала себя более уверенно. Она посмотрела в листы назначений и быстро выяснила: сегодня инъекций не будет. Нужно только выдать таблетки

— противосудорожное эпилептику и анальгин больному с разрывом связки голеностопного сустава. Еще — поход на энцефалограмму и анализы нового пациента.

Новоприбывшего ввел в сестринскую Михась и снял с него наручники. «Останься здесь!» — мысленно попросила Юлька Михася. Рядом с ним ей было не так страшно. Его румяное бесхитростно-простодушное лицо с первого взгляда внушило Юльке доверие. Вот кто мог обеспечить ее покой — не грозный здоровяк с внутреннего поста, не ловкий Вовчик, а этот скромный розовощекий увалень! Михась, конечно же, остался — так было предписано инструкцией. Он отступил в коридор и застыл, не отводя взгляда от больного.

Черноволосый молодой человек присел на кушетку. Лицо у него было резко угловатым: высокий лоб, но все, что ниже бровей, какое-то урезанное, будто плоти не хватило для носа, щек и особенно для подбородка. Впрочем, он был довольно миловидный, хотя чересчур худой и сугулый. Его переодели в полинялую коричневатую пижаму, на плече которой красовались две огромные цифры «14», выведенные черной тушью.

— Закатывайте рукав, я кровь возьму. — Юлька старалась говорить ровным и строгим голосом, чтобы не выдать своего волнения. Она пинцетом собрала шприц, надела иглу и

почувствовала легкое дрожание в пальцах. Но настоящий шок был впереди, когда она увидела кожу на его локтевом сгибе. Лилового цвета тяжи рубцов пролегли в тех местах, где должны были просвечиваться через кожу вены. После второй неудачной попытки войти иглой в вену Юлька запаниковала. Парень сидел неподвижно и никак не реагировал. Вдруг он поднял глаза на Юльку, и под его тревожным взглядом ей стало не по себе. Он попросил неожиданно нежным голосом:

— Давай, я помогу, у тебя не выйдет! Мои покоцанные венки!.. — Он взял иглу, конечно же, нарушив стерильность, и привычным движением моментально вколол в вену. Из канюли закапала темная кровь. Юлька, спохватившись, подсоединила шприц к игле и дрожащими пальцами оттянула поршень. Шприц медленно наполнился густой бордовой кровью.

— Встать! Пошли в изолятор — он у нас застоялся в пустоте.

Фраза у Михася получилась почти философской. Он сам этому удивился и скорчил Юльке смешную рожицу за спиной больного.

Они ушли, и Юлька, облегченно вздохнув, написала на чистом бланке «истории»: «Кохановский Юрий Вадимович, 22 года».

Юлька с удовольствием зажмурилась от

яркого солнца, покинув в десять утра отделение. Михась подсказал ей короткий путь до трамвая: задние ворота больницы находятся неподалеку от периметра четырнадцатого, так что не было необходимости путешествовать через всю больничную территорию.

Юлька этим утром ощущала себя совершенно не такой, как вчера, когда заступала на свое первое дежурство. Она теперь по-новому воспринимала привычный суетливый мир. Ей пришло в голову, что жизнь — как матрешка. И можно многие годы переходить от одной оболочки к следующей, внутренней, а можно и застрять навсегда на внешней. Но Юлька попала в некую сердцевину человеческих трагедий в их самом неприглядном виде. Пока она еще только прикоснулась к этой сердцевине, и все открытия ждут впереди. Сейчас она радовалась небу, солнцу, людям на остановке.

Трамвай пришел через пять минут. Юлька села у окна, привалилась плечом к стеклу и надела темные очки. В очках было легче смотреть на яркий утренний свет. Ночные дежурства всегда странно действовали на Юлькино зрение. Она заметила это еще на втором курсе, когда отработывала практику по акушерству в роддоме. Стоило взойти солнышку, все вокруг быстро окрашивалось в прозрачные серебристо-розовые тона, и контуры предметов становились несколько размытыми.

Вздремнувшую Юльку разбудили пассажиры, дружно покидающие трамвай. Оглянувшись, Юлька увидела на путях вереницу опустевших вагонов.

Она вышла из трамвая последней и направилась, переступая через рельсы, к остановке автобуса. Неожиданно каблук застрял в каменистом грунте и сломался. Растерянная и усталая, Юлька стояла на остановке, вертя его в руке, не зная, что с ним делать. Становилось жарче. Рядом притормозили «Жигули» горчичного цвета. Она демонстративно отвернулась, но водитель настырно просигналил. Юлька услышала знакомый голос:

— Юля, это я, Борис! Садись, подброшу тебя домой!

Юлька неловко уселась на переднее сидение.

— Ты с дежурства?

— У меня слишком побитый вид? — забеспокоилась Юлька. — Еще и каблук сломался.

Он улыбнулся:

— Как работа? А с каблуком не отчаивайся — не слишком большое горе. В остальном все хорошо?

— Все хорошо. Спасибо вам.

— Давай на «ты», — приказал Борис. — И без лишних благодарностей.

— Спасибо тебе, — подчинилась Юлька, — вот только отделение такое странное.

— Ну, прости, все что мог, я сделал. А

отделение, действительно, особое.

— Мне интересно. Для меня это такая замечательная практика!

— Сергей говорил, ты собираешься в медин поступать.

Борис рассказал, как они познакомились с Сергеем, какой Юлькин братец потешный, как неловко он делает первые шаги на прокурорском поприще.

— А дома ходит такой важный, прямо пуп земли! — засмеялась Юлька.

Борис улыбнулся. Какой разной могла быть его улыбка! Теперь она веселая, заразительная. Юлька поймала себя на желании как можно дольше смотреть на него, бесшабашно улыбающегося, как старшеклассник. Она сразу заметила, что иногда, наткнувшись взглядом на ее колени, Борис поспешно отводил глаза. Тогда она старательно прикрывала колени сумочкой.

16

Борис догнал Юльку, когда она возвращалась в четырнадцатое из главного корпуса. Он обнял ее за плечи. Она вздрогнула и виновато улыбнулась:

— Ты меня напугал.

— О ком задумалась?

— О Блоке.

— О ком?

— О поэте Александре Блоке. Вернее, о его первой любви.

В это предвечернее время в больнице было безлюдно. Им встретился только угрюмый мужчина в плаще и шляпе. Он кивнул Борису и прошел мимо.

— Понимаешь, — объяснила Юлька, — она умерла здесь, в нашей больнице, в 1925 году. Я только что видела ее шкатулку в музее психиатрии.

— Кто умер? Чью шкатулку?

— Как чью? Ксении Михайловны Садовской, в которую Блок влюбился в семнадцать лет. Я тебе о ней рассказываю.

— Какие несерьезные люди эти поэты! Даже великие. Влюбляются в зрелых женщин юнцами.

— Ты удивишься, когда узнаешь, на сколько лет она была старше! — с торжеством в голосе сказала Юлька.

— Постараюсь не удивляться. Она была красавицей, певицей и кокеткой с ангельским голосом и огненными кудрями. Как в такую не влюбиться? Прекрасная дама. А в шкатулке этой были его письма. Но они утрачены.

— Ты знал? — Юлька даже не пыталась скрыть обиду.

— Не сердись. Я многое знаю. Обещаю, тебе со мной не будет скучно.

Борис оставил Юльку у входа в четырнадцатое отделение. Уходя, он громко читал, не оборачиваясь:

Не призывай. И без призыва
Приду во храм.
Склонюсь главою молчаливо
К твоим ногам.

И буду слушать приказанья
И робко ждать.
Ловить мгновенные свиданья
И вновь желать.

Твоих страстей повержен силой,
Под игом слаб.
Порой — слуга; порою — милый;
И вечно — раб.

Он махнул на прощанье рукой, потревожив стаю жирных больничных ворон. Они взлетели молча — наверное, каркать после стихов Блока не посмели.

...Дискотека сразу ошеломила шумом и сутолокой. Юлька чувствовала себя инородным

телом. К тому же она оделась совсем не так, как было принято здесь. У нее нет таких широких в плечах, геометрически-прямолинейных тряпок, как у других. Она не знала, откуда они берутся. Вот Ирка знала и щеголяла каждую неделю в новой блузке. Потом они куда-то девались и появлялись другие. У Юльки кофточка была слишком обыкновенной. Наверное, из-за этого некоторые смотрели на нее с пренебрежением и жалостью.

Почти все на дискотеке были изрядно выпившими. Находиться среди них было неуютно. Юлька дала себе слово, что на дискотеку она больше никогда не придет.

18

Вокруг пищеблока вечно воняет вареной капустой. Буфетчицы из отделений все, как на подбор, упитанные и статные. Среди буфетчиц в этом сезоне мода на алую помаду и зеленые тени под самые брови. За каждой из них — санитарка и пара больных с тачкой. Только Юлька не красит губы такой помадой и тащит свою тачку одна — ей провожатых не положено. Зато внимание больных привлекает именно она, потому что отличается от других буфетчиц. Один молодой человек подходит к ней каждый день и говорит одно и то же:

— Мариночка! Почему ты не пришла вчера на

свидание? Я ждал тебя два часа.

Потом, подумав, добавляет:

— Вы не Марина. Вы — фельдшер из четырнадцатого. Там сидят убийцы. Их охраняет милиция. Меня тоже охраняла милиция. Но я никого не трогал. Я заболел. Ты будешь меня лечить? Выходи за меня замуж. Я почти здоров, мне уже лучше. И веду я себя хорошо. Очень хорошо, честное благородное слово.

Этот блондин красив, и у него трогательно высокая шея. Юльке нравится изгиб его бровей и бледные губы. Но отвечать ему она не решается. Ей жаль, что он болен. Марина, наверное, любила его. Такого красивого парня нельзя не любить. Но однажды из его головы вынули какие-то заклепки, и в ней все спуталось, перемешалось. Он перестал быть прежним. Теперь этот несчастный человек стал обузой для Марины. Бедная Марина!

Из задумчивости Юльку вывела пожилая санитарка. Она сказала негромко, чтобы, кроме Юльки, не услышал никто:

— Смотри, девонька, не увязни в беде. Тянет его к тебе. Он, конечно, парень видный, хороший, но сильно хворый. Дивчина его из армии не дождалась. Вот он и зачудил на нервной почве. Такие, раз сюда попавши, никогда не выкарабкиваются. Повидала я их, болезных...

До Юльки не доходит, как можно перебросить часть стока рек с севера на юг, искусственно проложить новые русла. Загадочное слово «мелиорация» действует завораживающе. Вот где сила науки! «Скомандуем рекам «Кругом!» — говорит диктор программы «Время». Юльку терзает смутное сомнение: здоровы ли психически авторы этого фантастического проекта? Но она никому не говорит о своих сомнениях.

Сергей смеялся и цокал языком, когда Юлька в лицах рассказывала ему вечером о своем первом дежурстве и трамвайно-каблучном приключении.

— Борис — твой ангел-хранитель, Джулька! Неплохо бы его отблагодарить как-нибудь. Идея! У тебя завтра выходной? Суббота. Давай пригласим его на шашлыки к нам на дачу! Что скажешь? С нас же магарыч!

— Превосходная идея! А он согласится? — засомневалась Юлька.

— Если свободен. Так что? Я звоню?

Сергей повис на телефоне. До Бориса дозвониться было непросто: у занятых людей обычно заняты телефоны.

— Мы с Джулькой хотим пригласить тебя на шашлык к нам на дачу, у нас халабуда на Дмитрия Донского. Водку и закуску обещаем, несмотря на всеобщую борьбу с пьянством. Бороться будем на следующий день с удвоенной энергией. Можешь и свою даму сердца прихватить, — услышала Юлька и ощутила легкий укол ревности.

«То, что Борис не женат, — подумала Юлька, — вовсе не означает, что у него нет близкой подруги». Она вздохнула и принялась составлять меню завтрашнего пикника на четверых.

Семейной дачей уже давно никто не занимался, и природа на этом клочке земли приняла свой первобытный вид. Заросли окутали беседку и приземистый домик на одну комнатку с верандой. Уже невозможно было понять, где раньше были дорожки. Отличить низкорослые плодовые деревья от дикого кустарника неизвестного ботанического вида непосвященному тоже было трудно — они были практически одной высоты и плотно переплелись ветвями. Так что маленький садик был похож на джунгли. Это место, находящееся недалеко от моря, теперь было пригодно только для пикников и пляжной сиесты. А ведь еще не так давно бабушка Вера вывозила сюда Юльку и Ирку на все лето.

В домике было прохладно и сыро. Крыша

протекала, пришлось Сергею покрыть ее рубероидом. Домик напоминал толстый гриб под черной шляпкой, над которым нависла крона старой груши. Когда-то на дачу была свезена мебель и прочая списанная домашняя утварь от всех родственников и знакомых, умеющих делать подарки из ненужных вещей. Здесь хранилось множество ничего не стоящих семейных реликвий. Комната напоминала склад. Но утренняя свежесть, запах моря и дымный аромат мангала, проникающий сюда, заставляли быстро полюбить это место.

К полудню, когда к калитке подъехала машина Бориса, стол в домике был обильно накрыт закусками, а шашлык почти готов.

— Ты зачем на машине? А водочки хряпнуть? — обиженно спросил Сергей, показывая Борису дорогу к домику.

— У меня вечером встреча, я пить много не буду, просто посижу с вами... — тон Бориса не предполагал возражений.

— Ладно, я пойду за шашлычком, а ты проходи к Юльке. — Сергей направился к мангалу, испускавшему дымок у садовой беседки. — С ней тебе наверняка будет интереснее, чем со мной.

— Не мог отказать себе в удовольствии снова увидеть тебя, — сказал он Юльке и поставил на

стол бутылку с нарядной заграничной этикеткой. На ее высоком горлышке висела желтенькая миниатюрная книжечка на золотистом шнурке.

— Это для тебя, Джульетта, ликер — по слухам, высшего качества.

Она ждала чего-то необычного от этого дня, но не представляла, чего именно. Ее обрадовало, что он приехал один. В Юлькиной душе запела виолончель. Жаль, что на даче Борис побыл недолго. К еде почти не притронулся, попросил Сергея спеть, рассказал анекдот о прокуроре. Взгляд его разноцветных глаз теплел, когда он смотрел на Юльку.

Сергей ушел в садик разбирать мангал. Юлька осталась в комнате с Борисом. Он подсел к ней на подлокотник кресла и поцеловал в губы. Юлька думала, что у нее остановится сердце. Борис тихо сказал:

— Как можно родиться такой красивой?

Он ушел, не обернувшись. Юлька слышала, как у калитки он прощался с братом, как отъехала его машина.

Когда Сергей возвратился в комнату, Юлька по-прежнему неподвижно сидела в кресле. На губах медленно остывал поцелуй Бориса. Сердце, правда, работало исправно, но все равно дышалось с трудом.

— Чего сидишь, как засватанная? — Сергей обеспокоенно посмотрел на сестру.

— Я перед ним знаешь, столбенею, — призналась Юлька.

— Не только ты, — услышала в ответ.

21

Юлька безропотно катила перед собой тяжеленную непослушную тачку, обшитую алюминиевыми листами. Колеса часто попадали в ямки, и тогда катить становилось труднее. Крышки на ведрах противно дребезжали. Хотелось скорее в тень — укрыться от солнца.

Остановив тачку у крыльца, Юлька перетащила наполненные супом, кашей и компотом кастрюли в буфетную. Она торопилась — до обеда еще нужно было порезать хлеб и заварить чай, поскольку компот предназначался для ужина.

Вовчик немного помог Юльке в буфетной и, посмотрев на часы, сказал:

— Ты отдохни, а я прошмонаю палаты, пока наши подопечные гуляют. Сегодня утром Саныч не успел.

Юлька прошла в сестринскую и закрылась там изнутри — скоро больные пойдут с прогулки, все двери по коридору должны быть заперты.

Минут через пять в условленном ритме

постучали в дверь. Юлька впустила Вовчика. Он держал на раскрытой ладони трехкопеечную монету.

— Целое богатство! — пошутила Юлька.

— Зря лыбишься, это «писка», смотри, какой край острый! У вчерашнего поступившего, нашего завсегдатая Саши Невского, под матрацем нашел. Сходи к Александре, скажи ей о находке. Надо выяснить, как он сумел эту монету сюда пронести.

Врачи начинали беседовать с пациентами обычно сразу после пятиминутки. После обеда отделение пустело — из персонала оставалась только дежурная смена.

Александра Константиновна чаевничала в своем кабинете в обществе старшей медсестры. Они обсуждали хозяйственные вопросы. Юлька постучала и вошла в кабинет.

— Юлечка! Легка на помине! — с улыбкой сказала заведующая. — Мы хотим обратиться к тебе с просьбой и предложением. Месяц назад вышла на пенсию наша сестра-хозяйка. Примешь на себя ее обязанности? — заведующая говорила мягко, но возражать ей не имело смысла — она все равно настояла бы на своем.

— Один раз в неделю — смена постельного белья, полотенец и пижам, — подхватила старшая. — Стирка в прачечной, там стиралка с

центрифугой есть. С глажкой я помогу. — Она, как видно, уже все продумала. — А уборку на твоих сменах, можешь не беспокоиться, организуем с помощью хороших больных. В отделении всегда имеется пара-тройка таких. Будешь покупать им сигареты — «Приму» или «Ватру». Они тебе за это будут выдраивать полы до блеска.

Юлька не стала возражать.

— Вот и умница! — обрадовалась заведующая. — На тебя можно положиться. Сегодня и приступай. Ключи от флигеля у Матвеевны. Завтра-послезавтра на больничном складе получишь новое постельное белье — десять комплектов, мыло и стиральный порошок. Кастелянша звонила. Теперь говори, что случилось?

— Вот что нашел Вовчик под матрацем у Саши Невс... у больного Иванчихина.

Заведующая ахнула и вскочила со стула, увидев монету на Юлькиной ладони.

Юлька вернулась в сестринскую, когда больные за запертой решеткой уже звенели ложками.

— Передохнем, пока чеканутые маламурят. Что, досмотр после обеда? — спросил Юльку Вовчик, — не зря я Михася не отпустил, чай пьет в бытовке. Шла бы и ты пообедать.

— Стиральная машина для меня — раз плюнуть, жена всегда заставляет стирать, — успокаивал Юльку Михась. — Я помогу тебе, вечерком займемся. Ну и начальство у вас, вот хитрованши, наглые, как танки! Монтулить тебя заставляют, а денежки, небось, сами получать будут!

— Обещали платить, а мне деньги совсем не лишние. Правда, и времени свободного много нужно — я в медин собралась поступать, готовиться надо. Мне всего один экзамен нужно будет сдать — по химии, но это если на пятерку.

— Ничего! Ночи длинные, так что времени хватит.

Заведующая, старшая, Михась и Юлька на досмотр собрались быстро. Вовчик привел высокого тощего больного, которого все называли Сашей Невским. Это был хромой и косоглазый тридцатилетний мужчина. Хвастун и задира, он, попав в четырнадцатое, тут же «навел среди больных громкий шорох». Так выразился утром Вовчик, с трудом утихомиривший его.

— Не понял юмора! С чего такое внимание до моей скромной персоны? — возмущенно поинтересовался Саша.

— Угомонись! Ты здесь не впервые и знаешь, что диагнозы Константиновна ставит за нефиг

делать! — Михась шагнул к нему и решительно взялся за ободранный лацкан его пижамной куртки. — Гастролировал в Ленинграде, так там и оставался бы. Голоса у него образовались, видите ли, симулянт дешевый!

— Ты не шарпай! Ну, вас всех я знаю, а лярву малолетнюю впервые вижу, — Саша показал на Юльку, однако его косой взгляд был направлен куда-то в сторону, мимо нее. — Пускай выйдет, не разденусь при ней!

Юльке и самой хотелось поскорее сбежать. Но Саша быстро сдался:

— Ладно! Харэ руками мацать, сам покажу! На жопе карман. — Он опустил брюки.

Юлька недоумевала: какой такой карман?

— Юлечка, дай пинцет!

Старшая со вздохом поднялась со стула. Она приняла из Юлькиных рук инструмент и, склонившись к оголенному Сашину задку, ввела одну браншу пинцета под едва заметную складку кожи в самом центре правой ягодицы. Пинцет на удивление легко вошел под эту складку. Зинаида пошевелила им, определяя глубину «кармана», потом оттянула пальцем кожу вниз и извлекла из этого довольно глубокого хранилища еще одну монету и половинку лезвия с надписью «Нева».

— Все надыбали? — Саша натянул штаны и направился к двери, припадая на правую ногу. —

Зухтер! Открывай ворота , меня уже раскурочили!

— Завтра на выписку! Не продержу и дня! — обычно спокойная Александра Константиновна не смогла сдержать своего гнева. — Михась, сообщи в СИЗО, а я готовлю заключение. И коню ясно, что он вменяем! Утренние назначения ему сделали, а для полноты картины — три миллилитра сульфазина внутримышечно, Юленька, и — во второй изолятор!

— Засандалишь кишкомоту серу, сегодня он будет никакущий, а завтра мы от него сдыхаемся, — тихо успокоил Юльку Михась. — Не будет больше коники выкидывать. Покромсать же кого-то хотел, скаженный!.. Знаешь, как делается такой кармашек? Лезвие врезают под кожу и оставляют там, пока не заживет. Потом можно что-то спрятать. Правда, я такое видел только у баб.

«Сульфазин — однопроцентная взвесь серы в персиковом масле. Вызывает пирогенную реакцию организма, повышение температуры тела выше 38 градусов. Применяется для улучшения метаболических процессов организма в психиатрической практике », — прочитала Юлька в рецептурном справочнике.

Юльке стало жаль Сашу. В его косых глазах мелькнула тень давнего страдания. Кто знает, каков он настоящий? Хотел ли он для себя такой жизни?